
ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ ВЕРСИИ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА: НЕСТАБИЛЬНОСТЬ СИСТЕМЫ*

С.О. Алехнович

Управление планирования и экономического анализа
Федеральная Служба по тарифам РФ
Китайгородский проезд, 7, Москва, Россия, 109074

Р.А. Пашенская, Д.Е. Слизовский

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются противоречия современной версии российского федерализма как политической и политологической проблемы. Делается попытка на концептуально-аналитическом уровне представить проблему федерализма как некий ритуальный смысл определенной формы государственного устройства, тем самым на уровень анализа возводится его ценностная субстанция. Помимо прикладного предназначения федерализма достойно видеть процесс его восприятия и принятия народным многонациональным сознанием через призму стабильности политического процесса, политическую практику, действия государственных институтов власти, персон и лидеров центра и регионов.

Ключевые слова: федерализм, политический процесс, политическая стабильность, модернизация.

В обустройстве современной России как федеративного государства завершился не длительный, но сложный трансформационный процесс теоретико-концептуальных, политико-правовых, организационных и устроительных исканий. Современная модель федерализма в России складывалась в течение 20 лет. Истоки российского федерализма уходят корнями в глубины истории российской государственности. С 1993 г. Россия конституционно является федеративным государством. Российским политикам, власти, гражданам России указаны пути федералистских принципов и смыслов к совершенствованию своего государства. Однако и власть, и общество были свободны и ранее и теперь остаются свободными принять ФЕДЕРАЛИЗМ или отвергнуть его. Свобода их остается ограничено неприкосновенной. Залогом этой свободы была и остается лишь Конституция РФ, которая в политическом значении не является догмой. Следовательно, остается открытым вопрос о свободе принятия ФЕДЕРАЛИЗМА и/или его отвержения, но и то, и другое невозможно без усилий со стороны общества и субъектов политики и государственной власти.

* Статья подготовлена в рамках Федеральной Целевой Программы «Научные и научно-педагогические кадры современной России» на 2009—2013 гг. Министерства образования и науки РФ. Проект: Политическая стабильность Российской Федерации: методика и концепция анализа, прогнозирования и моделирования.

Развитие России как федеративного государства представляет огромное значение как политическая и политологическая проблема. Ни много, ни мало — как, во-первых, политическая проблема, и одновременно, во-вторых, политическое противоречие, т.е. в совокупности это политико-политологическая проблема и противоречие.

Российский федерализм будет всегда сочетать в себе проблемы и противоречия в их самом остром проявлении, восприятии и исполнении, даже если эта тема на какое-то время теряет общественный и властный к себе интерес. Российский тип федерализма — «клубок» проблем и противоречий, воплощающий в себе не только противоречия универсального свойства, родимые пятна противоречий федерализма как всеобщего явления, но и еще противоречия, которыми его наделяет российская версия историко-культурного мирового феномена.

Если для одних федераций своеобразием является обширность территории, для других — структура и качество населения, для третьих — своеобразие и особенности этнической или конфессиональной дифференциации, то для Российской Федерации уникальность является естественной во всех элементах федералистской субстанции, — и по количественным характеристикам, и по качественным параметрам.

Это совсем не означает, что Российская Федерация сбита с проторенной человечеством исторической дороги федерализма, но это достаточное основание, чтобы принять в расчет «существенные» факторы российской модели государственного федеративного устройства. Общий вопрос в своей постановке в соответствии со смыслом политологического исследования может быть таким, как его трактовали еще древние мыслители: «Пора обратиться к рассмотрению того, что нам осталось исследовать, и, прежде всего, выяснить, какие требования должны быть предварительно выдвинуты для государства, которое имело бы желательное устройство» [2. С. 242].

Поиски наилучшего государственного строя требуют предварительных условий. Среди них выделяют: численность и особенности населения, размер территорий и ее свойства. Мы, современники, многого ли достигли, чтобы в деталях знать о такого рода предварительных условиях? Сегодня другие мерки и другие критерии условий и предпочтений. О них размышляют другие властители умов.

Представляя собой одну из содержательных линий современного политического процесса, российский федерализм, как и политика вообще, не предопределен по своим результатам и степени воздействия. Проблемы и противоречия федерализма в России всегда приковывали внимание исследователей, в том числе — политологов.

Парадокс же в том, что в российских политологических изысканиях по-прежнему остается обширный пробел — это область политической субъектности в федеративных отношениях и в федеративной системе ценностей. Традиционно такая позиция обычно трактуется как стремление познать, какой субъект федеративного государства способен выразить себя с пользой для общего дела? Какой субъект политики и власти имеет потребность и возможность артикулировать свои интересы через интересы национальные либо то, как он их понимает?

Логика такого подхода почти всегда развивала идеи противопоставления федеральной власти и власти регионов, желаний доказать политическую состоятельность то федеральной, то региональной политической элиты либо их лидеров. Апологеты регионализма всегда подчеркивают слабости центра: неадекватные представления центра о целях, ресурсах и особенностях политики региональных политических акторов; центр будто бы неадекватно понимает суть процессов, происходящих на региональном уровне, центром плохо осознаются границы влияния региональных элит, он недостаточно знает их внутреннюю мотивацию и др. С не меньшим энтузиазмом сторонники центра обрушиваются с критикой регионализма и региональных политических акторов, обвиняя последних в расшатывании единого государственного пространства, в нарушении конституционных норм, игнорировании федерального законодательства, угрозах сепаратизма и сецессии. Такого рода мнения были бы и справедливы, если бы те, кто предлагает такую версию разграничений и предпочтений властных структур при анализе федерализма, располагали неоспоримо самой предпочтительной из всех существующих доказательной базой такой точки зрения. Но так как это, пожалуй, сделать невозможно, то и указанные односторонние суждения несостоятельны. Найденные одним и другим исследовательскими подходами решения, по-видимому, не могут рассматриваться как окончательные.

Этот двойственный путь исследований — непростой для постижения проблемы федеративного государственного устройства, но он остается в научном арсенале прежде всего как анализ проблемы «перетягивания» каната функций и ценности власти то одного, то другого субъекта политики, сложных комбинаций предпочтительности для общества власти то федеральной, то/или региональной.

Однако ситуация меняется кардинальным образом. Федерализм, как и современный политический процесс, наполняется новым содержанием, его обеспечивают и им пользуются не только традиционные субъекты политики. Не только проблемы, но и противоречия федерализма, ставшие итогом перерастания проблемы в качественно иное состояние, разыгрывают новую по форме и содержанию рисковую деятельность. Имеются признаки омертвления существующей властной и государственной системы и в центре, и в регионах, ее даже, по мнению некоторых исследователей, деградации на фоне имитаций и симуляций позитивных перемен и обнадеживающих обещаний лучшего.

Субъекты политики в этом рискованном деле оспаривают друг у друга претензии на господство и ресурсы, на безопасность и выживаемость. Имеется и еще одна задача — разработка политики и механизмов перехода России к новой политической системе.

В политике в основном учитываются и действуют группы людей: государства, массы, партии, течения, кланы, лидеры. В политике федеративного государства в основном учитывались и учитываются федеральные, региональные и местные власти, этнические и религиозные кланы и группы, лидеры этих кланов и групп, их идеологии и мировоззрения, культуры, поведение без должной дифференциации. Слабым звеном в анализе федерализма остается «калькуляция» и анализ структуры, обозначаемой термином «неформальные отношения». А стратегиче-

ский анализ федерализма, по своей сути, требует интерпретации динамических решающих связей не только между всеми субъектами политики и власти, но и между многочисленными факторами ситуации.

Политика по определению противопоставляет разные лагеря, разные виды и типы субъектов политики. Но продуманная и продуктивная политика в своем стратегическом воплощении не только противопоставляет, выявляет и учитывает внутривидовые отличия и особенности с целью поиска союзников и соратников, но и выбор «существенных» характеристик деятельности и среды. Если мы правильно понимаем наметившуюся тенденцию в политическом процессе и политическом быте современной России, хотя бы как потенцию и волю, а именно, что «мы движемся в сторону прямой демократии» [4], то по иному следует трактовать основное противоречие в структуре властных и политических отношений Российской Федерации.

Не торг и не замена одной модели торга на другую между центральной и региональной властью должны бы определять смыслы и ценности современной политики. Не степень и уровень зависимости федерального центра от регионов и регионов от федерального центра — это явления очевидные и достойны частного внимания — а поиск объединяющих усилий федеральной и региональной власти, консолидация их ресурсов на общие с народом цели. Вредна и опасна политика за приоритет внутри федеральной структуры власти под лозунгом — «Тот круче, кто богаче!».

Теоретическая исходная позиция для исследования и анализа федерализма с точки зрения определения среди множества противоречий главного и даже поразительного противоречия являлась основанием для изучения советского федерализма, предпринятого еще 1927 г. Н.Н. Алексеевым. Государственное бытие советской России, по его словам, обнаруживает поразительное «противоречие между правительством *неофициальным* — Коммунистической партией и *официальной* государственной властью советской республики, олицетворяемой ее многочисленными, не только обоснованными в законодательных текстах, но и в той или иной мере действительно существующими органами (как-то: съезды Советов, Исполнительные комитеты, Советы комиссаров и т.п.)» [1. С. 154]. Сегодня нет такой конструкции основного противоречия, как нет и того его партийного звена.

Поразительное противоречие современной версии российского федерализма, на наш взгляд, обнаруживается не столько в противоречиях между партийным и государственным аппаратами, и даже не разными структурами горизонтальной власти (федеральной и субъектов Федерации), сколько, с одной стороны, между властью, выступающей единым субъектом политики, объединенной властными полномочиями и на федеральном, и на регионально-местном уровнях, и, с другой — местным гражданским уровнем самоорганизации и самоуправления. Противоречие обнаруживается и заявляет о себе не в том, какая власть — федеральная или региональная — какими средствами проводит политику. Противоречие в том, что единая по своей сути власть, в центре или на местах, без разницы, ведет себя по отношению к гражданскому обществу в одних случаях как «трансценденция

по отношению к обществу», в других — как «петровласть». Противоречие в том, что, возможно, «Россия стала типичным петрогосударством с чрезмерными издержками, перекосами в развитии, элитой, которая борется за контроль над богатыми природными ресурсами, в то время как подлинные общественные потребности игнорируются» [8. С. 41]. Российская версия того, чем является современная Россия, еще более жесткая и хорошо описывается на основе такого термина, как «поместная федерация» (1).

Новая Россия стала страной, где по-прежнему власти в центре и на местах борются за доминирование, а следовало бы бороться за дисциплину, где меритократические элиты, как и ранее, борются за власть, когда обстоятельства требуют использовать власть в виде инструмента политики, где нет власти закона и где можно говорить о беспределе в целом по стране и абсолютном беспределе в отдельных регионах [9].

Реверсивный, обратный переход противоречия в проблему актуализирует задачи политической субъектности традиционных носителей власти: федеральной, губернской, муниципальной. Идеальной задачей исследования было бы показать всем этим структурам власти, что их миссия очень проста в выборе ее реализации. Соперничество между властью следовало бы развернуть не только за власть, а за то, какая из властей окажется более способной к развитию, расширению и модернизации, к формированию системы ценностей и целей и распространению ее как образцовой и привлекательной вне собственных границ, но в пределах российских территорий. Идет поиск и собирание не только субъектов власти, но и субъектов политики. Вопрос, какой власти и политики?

Область политической теории и практики в федерациях по природе своей пограничная, не исчерпываемая до конца ни самой политикой, ни одним из исследовательских подходов. Много теоретико-концептуальных издержек, политических ошибок таит в себе политика устройства России как федеративного государства.

Казалось бы, революционные сдвиги в России за последние 20 лет давали реальные возможности и правящим элитам, и народу отказаться от федерации.

Был реальный период за последние 20 лет, когда не только федерация, само государство могло рухнуть. Федерация осталась бы как исторический реликт, как зыбкое воспоминание, ушла бы из политики, ее заменили бы другие формы государственного и жизненного устройства. Но этого не произошло. Наоборот, оставив по-прежнему массу проблем, и политического свойства, и возможного их решения именно политическими средствами, сменяя друг друга в борьбе за власть, ресурсы, господство, центральная и региональная власть все же обратилась к федерации, закрепила ее конституционно-договорные нормы и принципы, обеспечила федерализму статус важнейшего политического феномена. Федерализм вошел и укрепился в российской современности сложным порядком (конституционно-договорным, национально-территориальным, асимметричным).

Федерализм как феномен отражает многие аспекты российской политической действительности, и сам же разными способами и в разной мере формирует современную российскую действительность, определяя ее современный облик и за-

давая системные характеристики взаимоотношений и непрекращающейся борьбы центра и регионов за политическую субъектность.

Российский федерализм — один из тех политических инструментов, которым современный политический класс в центре и на местах создал новую Россию. Федерализм за последние 20 лет радикальных перемен не увел Россию с исторического вектора ее движения, но позволил ей приобрести новый строй своего существования и развития. На условиях и с использованием принципов и стилей федерализма фактически запущен процесс политико-правового оформления и завершения нового уклада жизни страны, общества, экономики. Почти все сделано на этом пути, чтобы наконец-то официально признать Российскую Федерацию страной первоначального и победившего капитализма.

Признавая прогрессивную роль капитализма, его критики и политические оппоненты всегда при этом подчеркивали, что роли капитализма проявляются в весьма разнообразных процессах и в различных областях. Отсюда возможно, что федеративное устройство России скорее обременяет, чем способствует капиталистическому развитию современной России из-за все еще не найденных сообразно новым условиям своей идейной, политико-экономической и государственной идентичности, из-за старых и вновь приобретенных противоречий взаимодействия регионов и федерального центра, из-за повсеместной слабости политической инфраструктуры и политической культуры.

Политический аспект федерализма остается актуальным, поскольку последние 20 лет сложных взаимоотношений между центром и регионами не могли завершиться победой того или иного субъекта политики. Тактический успех в этом противостоянии за центром — лишь видимая победа, которая не дает реальных преимуществ ни тем, ни другим субъектам политики, но наносит серьезный ущерб репутации государства и очень мало способствует росту жизненного уровня населения. И если принятое основание в структуре федеративных отношений, трактуемое как противостояние центра и регионов, в динамике не дает желаемого позитивного результата, следует пересмотреть само основание.

Внешние оппоненты России также не упускают возможность поделиться своим мнением и оценками состояния федерализма и по-своему актуализируют тематику данного исследования. По оценкам специалистов Национального совета США по разведке, Российская Федерация останется страной, имеющей слабые регионы и сильную централизованную власть [5]. Молодой американский политолог Параг Хана целесообразным считает, что следует рассматривать занимаемое Россией огромное пространство не как одну, а как четыре части, и намекает, что «если Россия хочет остаться собой, она должна скрепить эти части воедино, — в противном случае произойдет радикальная перекройка карты всего евразийского континента». К такой ли перспективе ведет Россию ее политический класс, реальные факты и события и их политические интерпретаторы?

В предстоящее двадцатилетие очень многое будет зависеть от того, чем закончится борьба политических сил на федеральном и региональном уровнях за полноценное и полезное их взаимодействие с целью сохранения единого го-

сударства. Принятая правовая база — Гражданский, Земельный, Водный, Жилищный Кодексы, Закон «Об образовании», новые и подкорректированные законы о политических партиях, избирательной системе и другие законы отчетливо обозначили свертывание роли государства и государственных структур на федеральном и регионально-местном уровнях. Наметился и декларируется переход от государственно-административного правового правления и управления к гражданско-правовому управлению. При этом суммарный результат 20-летнего периода развития политического процесса в России представляет собой набор политической имитации, частичной оптимизации и изменений правил игры в политике и социально-экономическом секторе и, возможно, лишь потенциально ведет к возникновению условий по сдвигу парадигмы в политике, то есть смены системы понятий, ценностей и целей как в политике, так и в национально-государственном устройстве.

Одновременно отчетливо обозначилось противоречие между конституционной нормой по обеспечению суверенитета государства и реальным содержанием исполнения государственного статуса. Поскольку по Конституции 1993 г. российское государство — это федеративное государство, то, естественно, заявляет о себе и другая проблема — проблема федеральной формы суверенитета государства, функционирование которого становится возможным и зависимым от условий постоянно изменяющегося регионального политического процесса, и когда регионы заявляют о себе как самостоятельные политические акторы, а то и системы.

Наряду с тем, что федеративное государство как все еще единое целое становится все более взаимосвязанным и взаимозависимым, его составные элементы — субъекты федерации — стремятся к все большей независимости и самостоятельному выбору политического курса. Решить данную дилемму можно лишь с помощью двойного сдвига политической парадигмы. Результатом первого сдвига должен стать взгляд на федеративное государство как на мультиразумную федерацию, то есть систему добровольного объединения целеустремленных ее субъектов, вступивших в федерацию-союз для служения своим объединенным интересам посредством удовлетворения потребности каждого субъекта. Второй сдвиг — видеть сквозь хаос и сложность федерализма возможность обращения с его взаимозависимыми переменными.

Взаимодополняющий характер этих двух направлений сдвига парадигмы в региональной политике и политике регионов — ключ к пониманию сценария развития федерализма, восприятия его в качестве политической системы, а не только ситуации, и тем самым выявления движущих сил перемен в развитии Российской Федерации. Эта идея витает в сознании части политической элиты федерального и регионального уровня, на этом настаивает определенное мировое и российское экспертное политологическое сообщество, но недостаточно проводится в политическую практику, еще не оформлено концептуально и не является еще обязательным элементом системного мышления субъектов политики.

Можно предположить, что федерализм в прошлом был лишь просто проблемой, а сегодня еще остается одной из самых сложных и спорных проблем. При

этом федерализм стал своеобразной системой государственного устройства России, предпосылкой и условием ее развития. При таком варианте федерализм заявляет о своем собственном политическом содержании и своей собственной политической субъектности, об имманентной для него способности к теоретико-концептуальной, политико-прагматической оформленности и силе властно-политического воплощения. Федерализм с претензией объявляет о своей стратегической целесообразности, громко заявляет о существовании и активной деятельности политических субъектов к инкорпорированию принципов феномена федерализма в ткань государственного и общественного устройства страны.

Казалось бы, конституционное утверждение принципов и норм федерализма, накопление опыта практики его развития, рост научного знания о федерализме будут лишь усиливать его значение. Но не все так очевидно.

Было бы хорошо, если бы федерализм исследовался и претворялся в жизнь как достойная внимания и осмысления проблема, как решаемая проблема, если бы одновременно не бытовало буквально неверие не только в позитивный потенциал федеративного государства, но и саму российскую государственность, государственную власть как власть, выражающую и защищающую интересы и потребности всех слоев общества, всего многонационального народа России.

Федерализм, являясь атрибутом государства, его устройства и функционирования, реализуется во властно-политических действиях, для которых органичны и естественны конкуренция, даже острая борьба позиций, точек зрения, представлений и оценок. Не риторически исследователями и политиками ставится вопрос, насколько не только перспективно движение России по пути федерализации общественных отношений, но и целесообразно ли вообще рассматривать Россию федеративным государством? Если уж и не отказывать федерализму как форме адекватной и предпочтительной государственности, то каковы затраты, насколько велика цена, социальные и прочие издержки выбора и поддержки федерализма? В какой мере федерализм может быть системным элементом государственного и общественного устройства и развития России?

Следует обязательно учитывать и тот факт, что на федерализм распространяются не только законы и принципы бытия политики и власти, но и имманентные, свойственные только ему противоречия. Недостаточно сказать, что федерализм — сложный феномен. Это весьма сложное и многомерное явление, и при этом он востребован и широко используем как политический инструмент, имеющий набор предпочтений и преимуществ, как, впрочем, и существенных недостатков в сравнении с другими формами в деле государственного обустройства.

Понятно, что федерация возникает в случае признания данной формы государства выгодной для общества, т.е. отвечающей его социально-экономическим, этнополитическим, оборонным и прочим интересам. Федерализм американской и европейской политической мыслью воспринимался альтернативой государственному суверенитету. Но и там, на Западе, и у нас, в России, федерализм демонстрирует опыт непрерывного существования в условиях неопределенности, когда возникла потребность отказаться от одной формы государственного устройства

и принять другую. Кажется убедительным суждение, что федерализм демонстрирует гибкость в структуре отношений и взаимоотношений властных центров трех-четырёх уровней, и в самой его гибкости и заключена его сила. В качестве «согласованного разделения полномочий» между центральной и регионально-местными властями современный федерализм имеет то преимущество, что открывает путь к сочетанию взаимозависимости и автономии, с трудом допускаемому унитарной государственностью. Даже такой, не очень структурированный набор его свойств и качеств делает федерализм достаточно привлекательным в современных условиях.

Таким образом, федерализм — сложная для исследования, понимания и практического воплощения, но конкурентоспособная современная теория обоснования устройства и функционирования одной из форм политического и организационного объединения самостоятельных частей в единое государство. При этом всякий исследователь, особенно политолог, должен внимательно отнестись к замечанию ученых факультета политологии и международной политики Уорикского университета, одного из ведущих учебных заведений Великобритании в этой области, которые с долей скепсиса обосновывают по сути верные, но одновременно противоположные высказывания:

— «...политическая наука не в состоянии серьезно поддерживать «идею» федерализма»;

— «политики — приверженцы федерализма — считают, что эта форма государственного устройства поможет избежать территориальных конфликтов»;

— «...федерализм обычно становится политической проблемой в двух чрезвычайно опасных ситуациях: 1) когда регион желает отделиться от федерации и 2) когда предпринимается попытка заменить непрочную конфедерацию или союз более централизованной федерацией. Федерализм, таким образом, является одной из концепций, оспариваемых по существу. Он предлагает... средний путь к сотрудничеству и общему согласию в области территориальных интересов» [7. С. 664].

Уже очевидно, что федерализм противостоит и утверждает себя в перманентной борьбе с конфедерализмом и унитаризмом. Долговременность такого противостояния хотя не привела к однозначной победе федерализма над другими теориями и практиками государственного мироустройства, тем не менее, выдвинуло федерализм в число наиболее привычных и эффективных концептуальных и политических практик. Федерализм в своем эволюционном диалектическом развитии не достиг какой-то завершенной формы ни содержательно, ни практически.

Концепция федерализма содержит в себе сомнительные положения. «Федерализм — это классический пример концептуальных натяжек», — подчеркивают ответственные исследователи. Федерализм по ряду причин является либо условием эффективной политики, либо условием обострения конфликтов, и уж почти всегда предметом острой борьбы политических сил, как в глобальном, так и национально-региональном масштабе.

В отдельных регионах мира, и в России в частности, федерализм, приобретая государственную форму, став доминирующей политикой, остается одной из самых

острых проблем противоречивого характера, источником постоянного напряжения и нередко беспорядков, возбуждаемых на почве территориальных, этноконфессиональных и прочих споров.

Российский федерализм, легитимизированный конституционно-договорным путем, получил относительно устойчивое признание в обществе, в структурах власти, им пользуются в практической политике. Чтобы закрепить его конституционную норму и ввести ее в ткань политики и политической практики, федерализм нуждается в защите как федерального центра, так и субъектов Российской Федерации. И при этом и в обществе, и в политико-партийном спектре страны есть силы, которые либо отказывают федерализму в праве на легитимность, либо эксплуатируют его принципы и механизмы в своих эгоистических и корыстных целях, создавая угрозу территориальному единству и политико-общественной устойчивости России.

Непреходящее напряжение и имеющийся беспорядок в структуре федеративных отношений — явление глобальное и национальное и оставляет место нерешенным проблемам, которые все же требуют решения. Это порождает парадоксальность и неопределенность восприятия содержания реалий политической и общественной жизни в стране. А как этому не быть, если современная Россия, во-первых, федеративное государство; во-вторых, Россия федеративна весьма своеобразно; в-третьих, неясно, насколько она федеративна в сравнении с конституционными нормами и реальной организацией власти?

В исследованиях по федерализму стоит сделать попытку на концептуально-аналитическом уровне представить проблему федерализма как некий ритуальный смысл определенной формы государственного устройства, тем самым на уровень анализа возводится его ценностная субстанция.

Помимо прикладного предназначения федерализма можно видеть процесс его восприятия и принятия народным многонациональным сознанием посредством политического процесса, политическую практику, действия государственных институтов власти, персон и лидеров центра и регионов. Федеративное государство — не механический конгломерат ведомств, а органическое отношение к нему граждан, расценивающих его как свою Деревню, свое Село, свой Городок, свою Заимку, свою Землю, Отечество, Родину.

Перед исследователями всегда будет стоять задача — нести в себе идею восприятия федерализма не только государства как системы институтов и структур, но государства форм, типов устройств, что составляет канву ее гетерогенного народно-национального духа. Это коррелируется с классическими умозаключениями: «Народ должен чувствовать, что его государственное устройство соответствует его... состоянию, в противном случае оно может, правда, быть внешне наличным, но не будет иметь ни значения, ни ценности» [3. С. 315].

Тем не менее, для исследовательской практики очевидно, что теоретическая и концептуальная неопределенность федерализма порождает путаницу в политических понятиях. Не потому ли путаем демократию с демагогией, аристократию с олигархией, федерализм с партикуляризмом, единство с централизмом, централизм правительственный с централизмом бюрократическим, управленческим?

Очень часто в федерализме как процессе и системе основных принципов определенной формы государственного устройства и его деятельности усматривают лишь функции децентрализации, деконцентрации и центробежности власти, политики, отношений между центрами власти, между федеральной, региональной и местной властью. По-прежнему в федерализме усматривают основные проблемы и противоречия в связи с обширностью российской территории, с наличием этнической и конфессиональной полигамности. Своеобразие и уникальность России, ее традиционные и естественные факторы из-за неверного толкования их сути и значения, их роли в жизни общества и государства, вместо того, чтобы превратиться в ресурс дополнительной мощи и силы, обращаются в слабость и противоречивый порок. Этому заблуждению много лет. И оно не исчезло и в новейшей российской политической истории, когда основным противоречием становится противоречие между властью и не-властью. Сегодня это противоречие еще сохраняет неустойчивое равновесие, но достаточно будет ухудшения условий жизни, чтобы это хрупкое равновесие было поколеблено, а легитимность власти подорвана. Российская Федерация сегодня развивается как государство, объединенное и единое, но по-прежнему вынуждена бороться за единение и единство, за свою территориальную целостность. Федерализм следует воспринимать именно как процесс центростремительный, а не центробежный, или в терминах русской политико-правовой школы — «сочленения», а не «расчленения». Однако эта данность с трудом пока присутствует в сознании современников и еще с большими трудностями воплощается в политической практике.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) «...События в Москве, в Санкт-Петербурге, на Ставрополье, в Туапсе и т.д. отчетливо показали, что раскол между политикой властей по отношению к Северному Кавказу и российским народом, являющимся жертвой этой политики, становится все глубже и все отчетливей» [9].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алексеев Н.Н.* Советский федерализм // Мир России — Евразия: Антология / Сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. — М., 1995.
- [2] *Аристотель.* Политика. — М., 2002.
- [3] *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. — М., 1990.
- [4] Итоги года с Президентом России 24 декабря 2010 года. URL: <http://президент.рф/9888>
- [5] Карта будущего. Доклад Национального совета по разведке США. Проект 2020. — Москва, Фонд «Единство во имя России», 2005.
- [6] *Кордонский С.* Россия. Поместная Федерация. — М.: Европа, 2010.
- [7] Политика: Толковый словарь: Русско-английский. — М.: ИНФРА-М; Изд-во «Весь мир», 2001.
- [8] *Хана П.* Второй мир / Центр исследований постиндустриального общества. — М., 2010.
- [9] URL: <http://www.liveinternet.ru/users/alesadov/post143789433>

**THE CONTRADICTIONS OF THE MODERN
VERSION OF RUSSIAN FEDERALISM:
INSTABILITY OF THE SYSTEM**

S.O. Alekhnovich

The Department for Planning and Economic Analysis
Federal Tariff Service of Russian Federation
Kitaigorodsky Proezd, 7, Moscow, Russia, 109074

R.A. Pashenskaya, D.E. Slizovskiy

The Department of Political Science
People's Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

In the article there considered contradictions of the modern version of the Russian federalism, as a political and politological problem. The authors made an attempt to present the problem of federalism at conceptually-analytical level as a certain ritual meaning of the certain form of a state system thereby its values substance becomes an object of analysis. Besides applied function of federalism it's necessary to see the process of its perception and acceptance by national multinational consciousness through a prism of stability of political process, political practice, actions of the state institutes of power, persons and leaders of the center and regions.

Key words: federalism, political process, political stability, modernization.